

О МЕРТВЫХ ТОЛЬКО ПЛОХО

ДОБЛЕСТНЫЕ КОМАНДИРЫ ВСТАЛИ ГРУДЬЮ ПРОТИВ ПОГИБШЕГО МАТРОСА

«В полночь в квартире Беляковых раздался телефонный звонок. Мужской голос в трубке представился командиром войсковой части и сообщил: «Ваш сын Илья сегодня повесился». Вера закричала «Не-е-т, не может быть!»

Этими строчками начинался материал нашего корреспондента Марины Морозовой («Северный край» от 17 декабря 2002 г.) о трагической судьбе рыбинского парня Ильи Белякова, служившего в закрытом военном городке Гаджиево Мурманской области, в доблестном подводном флоте России. Как мы уже сообщали, 27 ноября Гаджиевская военная прокуратура возбудила уголовное дело по факту гибели матроса срочной службы, электрика-стрелка в/ч 692731. Обвинение по статье 286 ч.3, п.п. «А», «В» УК РФ (превышение должностных полномочий с угрозой насилия, с применением насилия, повлекшее тяжкие последствия) было предъявлено старшине той же роты Андрею Кисанову. Гаджиевский гарнизонный военный суд назначил процесс на 3 апреля. Вместе с матерью погибшего матроса Верой Беляковой в Гаджиево отправился и наш корреспондент.

«Я ИХ ПЕРЕСТРЕЛЯЮ»

Городок Гаджиево встретил нас мертвыми глазами панельных многоэтажек. Более двух десятков домов, а это треть города, давно покинуты их жильцами, уехавшими на большую землю. У самого залива простой и трогательный деревянный крест погибшим подводникам. Местная администрация, милиция, военная прокуратура и военный суд разместились в обычной, неряшливого вида пятиэтажке. В зале суда пестрит от камуфляжа. Матросы по команде выходят покурить и снова молчаливо застывают на скамейках в ожидании судьи. Им не предложили даже раздеться, так и парились в теплых бушлатах с номером части на спине, грубо наляпанном краской, словно на танке. Рядом сидящий матрос треплет в руках серую ушанку весьма затрапезного вида. Засаленное нутро шапки украшено восемью нашивками с фамилиями нынешнего и прежних хозяев. Простая арифметика: если парни после учебки служат здесь полтора года, то форменной ушанке уже одиннадцать лет. Носят ли рыбинские бомжи свои шапки так долго?

Лишь смерть Ильи Белякова положила начало расследованию неуставного беспредела в части. Первым о нем рассказал рыбинец Андрей Я., который и сегодня служит в той же роте. Вот что он сообщил в своем заявлении в областную военную прокуратуру на имя полковника юстиции В. Г. Ирхина и рыбинского военкома М. И. Скобелева: «Среди старослужащих имеется группа заводил, их 5 – 6 человек. Проводят дедовщина, система поборов, у матросов младшего призыва отбирают денежное довольствие, вещи и деньги, полученные из дома в посылках и переводами. Старшие ...применяют физическую силу, заставляют выполнять физические упражнения с использованием гири до полного изнеможения, а если отказываешься – бьют, унижают, оскорбляют».

Андрей рассказал, что «старшину» настолько достали Ильи Белякова, что тот пообещал: «Как только будут стрельбы и в руках окажется оружие, я их, гадов, перестреляю!» Тогда наступила черная стодневка, т. е. сто дней до дембеля. В это время деды просто звереют. С молчаливого, судя по всему, согласия ротного начальства и командования части.

СЛЕДСТВИЕМ УСТАНОВЛЕНО

Следствие установило, что одним из этой группы был старшина первой статьи Андрей Кисанов. Именно он сегодня на скамье подсудимых. Другие из-за недостатка доказательств благополучно ушли от ответственности. Из обвинительного заключения, утвержденного прокурором, подполковником юстиции Лукашенко: «12 июля 2002 года около 15 часов старшина 1-й статьи Кисанов... по надуманным основаниям, потребовал от матроса Зеленских следовать за ним в кубрик роты охраны. Тот отказался, так как выполнял приказ своего непосредственного начальника. Кисанов повторил приказ. Боясь

физической расправы, Зеленских проследовал за ним в кубрик роты охраны, где Кисанов нанес ему 5 ударов кулаком по шее и 5 ударов кулаком в лоб, после чего потребовал, чтобы Зеленских шел за ним в умывальник. Там Кисанов повторил побои, после чего Зеленских ударил головой о кафельную стену умывальника». Побои продолжались и позже. В конце концов Зеленских порезал себе вены, был отправлен в психушку и комиссован.

Уверовав в собственную безнаказанность, Кисанов занялся новичком – матросом Беляковым. Под предлогом того, что тот недостаточно быстро выполняет его команды, вечером 6 ноября в казарменном помещении он нанес Илье не менее 5 ударов по голове. Это повторилось вечером 8 и 10 ноября в казарме и в столовой.

24 декабря прошлого года Кисанов был взят под стражу. Материалы явки с повинной и допросов Кисанова от 25 декабря и 8 января свидетельствуют, что он сознался в избиениях матросов Белякова, Зеленских и Лапердина. По его свидетельству, дважды Белякова избивали военнослужащие Лебедев и Савельев. И вдруг 14 января Кисанов пошел «в отказ», написав заявление о том, что под морально-психологическим давлением следователя оговорил себя.

НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО БЕДЫ

Трехнедельная служба в Гаджиеве стала для Ильи Белякова полной противоположностью той, что прошла в учебке, под Москвой. Парень привез с собой на Север прекрасный служебный отзыв: «Проявил себя с положительной стороны, честный, ответственный, исполнительный. На критику реагирует адекватно, пользуется заслуженным авторитетом среди сослуживцев, неконфликтен. Способен переносить значительные физические и психологические нагрузки без существенного снижения работоспособности и нарушений поведения. При психофизиологическом обследовании по методике «Прогноз – 99» выявил второй уровень нервно-психической устойчивости. Второй уровень – это хороший показатель».

Характеристика из Гаджиевской части свидетельствует, что всего за три недели службы Илья успел получить два поощрения, взысканий не имел, «был исполнителен, вежлив... на замечания командиров реагировал правильно и делал соответствующие выводы».

Вести из дома были только позитивными. Ничто не предвещало беды. Но она случилась. Мать погибшего матроса уверена: сам Илья никогда бы не полез в петлю. Но даже если это и было именно так, такому исходу должно было предшествовать нечто очень серьезное, разрушительное.

ДЕПРЕССИЮ ПРИДУМАЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Что же случилось на самом деле, пока не известно. Но целый ряд фактов, которые установило следствие и удалось выяснить нам,

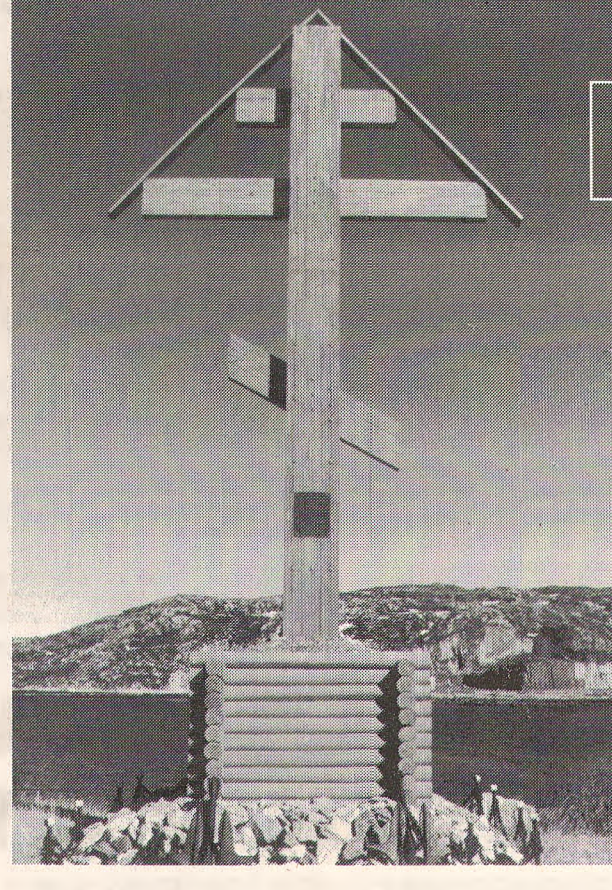
свидетельствует о том, что руководство части тщательно скрывает истину. Как следует из материалов дела, сразу после смерти Ильи Белякова врач части И. Гелимжинов по указанию вышестоящего начальника (его фамилия не названа) оформил дубликат медицинской книжки матроса (оригинал медкарты Ильи Белякова куда-то исчез). В дубликате доктор записал, что «19 ноября 2002 года Илья обратился к врачу с жалобами на утомляемость, чувство дискомфорта, бессонницу, беспричинное чувство тоски. Диагноз: «ситуационно-обусловленная депрессия легкой формы». Матрос освобожден от служебных обязанностей на два дня, рекомендованы консультация психолога части, соблюдение режима, назначена валериана в таблетках на ночь в течение недели и витаминов». Говорят, с просьбой вписать нужный диагноз в медкнижку матроса Белякова тот самый вышестоящий начальник обращался не только к Гелимжинову, но другие медики сделать это отказались.

У Ильи перед смертью был хронический тонзиллит с гнойными выделениями в горле, о чем свидетельствует судебно-медицинская экспертиза. Но этого доктор «не заметил», как и того, что парень в отличие от своих сослуживцев в лютые морозы нес службу на улице в кирзачах с одним носком на голую ногу. Валенки ему так и не выдали.

ВОЕНКОМАТ СОБИРАЕТ КОМПРОМАТ

Еще не приехал в Рыбинск следователь из Гаджиевской прокуратуры, а рыбинский военкомат уже усиленно искал компромат на погибшего матроса. На спичечной

Когда в Гаджиево приезжал президент, все матросы были хорошо одеты, без синяков и на службу не жаловались.

Этот крест на берегу залива напоминает нам не только о тех подводниках, что погибли на боевом посту...

фабрике «Маяк», где до армии работал Илья, нам рассказали, что рыбинский военком Михаил Скобелев по телефону пристыдил Нину Милорадову, директора фабрики, которая оказала серьезную поддержку семье Беляковых. Дескать, что вы его так защищаете, требуете какого-то расследования? И заявил, что у него есть сведения, что Илья бывал в неблагонадежных компаниях, занимался сомнительными

делишками. И будьте уверены, говорил военком, мы найдем свидетеля, который скажет об этом на следствии и в суде!

Каково же было наше удивление, когда «нужный» свидетель действительно нашелся и дал на следствии «нужные» показания. Из материалов дела: «Военнослужащий П. сообщил, что однажды Беляков рассказал ему, что ...употреблял спиртное редко, так как плохо переносил опьянение, «ехала крыша», говорил, что в алкогольном опьянении

любимым предметом у него был нож, и что он больше всего боится покончить жизнь самоубийством, застрелившись».

Эти показания свидетеля П. никто не подтвердил: ни родители, ни лучшие друзья и знакомые, ни сослуживцы. Илья никогда не пытался уйти из жизни, не было на то ни малейших причин. Никаких отклонений в психике, а тем более психических заболеваний не установлено, что доказано и психолого-психиатрической экспертизой. Илья никогда не попадал в поле

зафиксировать имеющиеся признаки, которые отчего-то не нашлись отражения в заключении военной судебно-экспертной комиссии. В военной прокуратуре отказала матери погибшего матроса в экспедиции. Кстати, рыбинский военком позвонил и в морг и выразил свое крайнее неудовольствие тем, что родным Ильи Белякова позволили увидеть то, что они увидели. Хотелось бы знать, чем вызвана столь болезненная реакция?

ВСЕ БОЯТСЯ ПРОКУРАТУРЫ

Суд в Гаджиеве был отложен до 23 апреля: не явился свидетель Зеленских – тот, что резал себе вены и был комиссован. Судья сообщил, что по месту жительства сотрудников тамошней милиции семью Зеленских не нашли, она бесследно исчезла в неизвестном направлении.

Тем временем адвокат Кисанова выступил с ходатайством о приобщении шести заявлений о сослуживцах Ильи Белякова. Во всех шести заявлений написаны, словно под копирку, примерно так: «оговорил старшину Кисанова под морально-психологическим давлением, которое оказывал на меня следователь. Никогда не видел никаких противоправных действий Кисанова в отношении Белякова и Зеленских. Они не жаловались на неуставные взаимоотношения. Старшина Кисанов для меня – образец отличной службы. Не имею к нему никаких претензий».

«Что происходит? Почему в роте охраны атомных подводных лодок оказались такие зомби?» спросила я психолога роты Крайченко, когда мы покидали зал суда: «Для матросов прокуратура – тюрьма, – ответил он. – Все ей жутко боится. Что велел следователь, то они и подписали в своих показаниях. Даже я, психолог, боюсь прокуратуры!»

Военный прокурор подполковник Лукашенко в беседе с нами нечисто опроверг любую возможность давления на военнослужащих со стороны следователя и намере привлекать авторов отказных заявлений к уголовной ответственности за ложесвидетельство, о чем предпринял и командир части.

Командир части Сорокин лишь на шестой день нашего пребывания в Гаджиеве встретился с матерью погибшего матроса. Ничего нового не сообщил. Он впервые услышал, что у Ильи не было зимней обуви и не знает, кто приказал врачу части поставить посмертный липовый диагноз в медкарте матроса Белякова. Замполит, вместе с командиром приехавший к нам в общежитие, только пожимал плечами и разводил руками, в которых теребил засаленную ушанку.

За последний месяц в Северодвинске зарегистрированы три случая суицида в воинских частях. В конце марта в Гаджиеве в институт имени Бурденко был доставлен военнослужащий с огнестрельной раной головы. Официальная версия – неосторожное обращение с оружием. 8 апреля мурманское телевидение сообщило о гибели военнослужащего по той же причине. Недавно в Интернете сообщалось о перестрелках между военнослужащими и фактах бегства из части в поселке Спутник Мурманской области, у норвежской границы...

Разумеется, командованием эта статистика известна. Более того – подводный флот России попал недавно в зону особого внимания российского президента и армейских реформаторов. Годы два назад Владимир Путин даже был в Гаджиеве на подводной лодке «Верхотурье». Впрочем, местные жители вспоминают визит как очередное показушное мероприятие. Марина МОРОЗОВА

плохо себя контролирует, может покончить жизнь самоубийством. Признался свидетелю, что однажды уже пытался повеситься, но его успели вытащить из петли. Говорил, что сам занимался гоп-стопом, т. е. нападал на прохожих и отбирал у них личные вещи, что у него дома – целый шкаф, заполненный куртками, снятыми с прохожих. Признался, что самым